

Юрий Аракчеев
ДЖУНГЛИ
ВО ДВОРЕ

0+

Юрий Сергеевич Аракчеев

Джунгли во дворе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36325968

SelfPub; 2019

Аннотация

Автор рассказывает о мире насекомых, о том, как он открыл для себя этот удивительный мир и начал его фотографировать. Эта книга – об уважении к природе, даже к малым ее существам. Она поможет читателю по-новому взглянуть на то, что проходит обычно мимо внимания. Предисловие Н.Н. Дроздова. Книга оформлена фотографиями автора.

Содержание

Предисловие от автора	4
Светлый праздник души (вместо предисловия)	6
Открытие	11
Муравейник на ярком весеннем солнце	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Предисловие от автора

Эта книга написана довольно давно. И вышла еще в прошлом веке, в 1981-м году (изд. «Мысль») и была весьма популярна.

Но я убежден, что смысл ее, а также принцип отношения к жизни, выраженный в ней, вечны. И – современны. Увидеть в малом большое, в частном общее – вот секрет восприятия жизни. «Все во всем», как сказано очень давно греческим философом Анаксагором. «Весь мир отражается в капле росы» – тоже мудрая мысль.

В этой книге описано мое открытие мира окружающей нас природы, которое началось для меня в старом городском дворе в центре Москвы. У меня был «зеркальный» фотоаппарат «Зенит» и удлинительные кольца для объектива, чтобы фотографировать с близкого расстояния крупным планом. И обратимая слайдовая пленка, которую нужно было еще проявлять. Сейчас другое время, техника фотографии шагнула далеко вперед – не нужно ни колец, ни пленки, ни ее проявления. Все – в «цифре». Но многие ли пользуются этими возможностями? Многие ли пытаются открывать мир, который нас окружает, а не ограничивается фотографированием себя и друг друга?

А ведь мир природы Земли потрясающе интересен. То, что описано в книге «Джунгли во дворе», распахнуло для

меня окно в мир, и сделало мою жизнь многократно интереснее. Этим я и хочу опять поделиться с сегодняшними читателями.

август, 2018 год

Светлый праздник души (вместо предисловия)

Родная природа... В сердце каждого из нас с самого детства остаются нежные и щемящие воспоминания: тихая речка за околлицей, густые заросли ивняка, прозрачный сосновый бор, золотистое пшеничное поле... Потом нас, взрослых, дороги жизни уводят в асфальтовые дебри городов, в гремящие цехи заводов, в тишину лабораторий. И лишь иногда где-то в самой глубине души всплывает мысль о том, что совсем недалеко от нас проходит и уходит светлая и чистая, журчащая весенним ручьем совсем иная жизнь... Изредка удастся нам вырваться на лоно природы, а то и пожить летом в деревне, но уже очерствела, покрылась корочкой душа, и тихий голос травы заглушается урчанием автомобильного мотора и бульканьем транзистора.

Поэтому такой праздник на душе, когда встретишь человека, который принес с собой из детства свежесть восприятия, способность радоваться и удивляться привычным вещам, умение видеть чудо в обыкновенном. Таким человеком оказался автор этой книги. Вместе с ним пойдет читатель в Серебристый бор, поднимется по Земляничному склону на Лысую гору, спустится в дебри Паучьего оврага, прогуляется по Аллее бабочек и отдохнет на Уютной поляне. И в каждом

уголке этого чудесного края найдет он удивительных, причудливых его обитателей, живущих своей сложной, драматической, но невидимой обыденному глазу жизнью.

Выведя читателя на лесную поляну, автор говорит ему: посмотри и убедись – «все в мире, окружающем нас со всех сторон, находящемся даже под нашими ногами, чрезвычайно серьезно, истинно, захватывающе интересно, а мы так мало, так досадно мало, так позорно мало знаем о нем»...

Чтобы правильно понять и объяснить всю сложную сеть отношений между обитателями травяных джунглей, нужна помощь ученого-специалиста. И потому-то писатель обращается к помощи таких признанных авторитетов в экологии, энтомологии и этологии, как Ж.-А. Фабр, К. Ламперт, Р. Шовен, М. Гиляров и другие, причем нередко пространно цитирует их, доставляя читателю дополнительное удовольствие от общения с подлинными текстами этих мастеров научной популяризации.

Близкое знакомство с привычками, способностями, характером шестиногих, восьминогих, летающих, ползающих и прыгающих существ удивляет, поражает, порой смешит и умиляет нас комичным, а иногда и грустным сходством с нашей человеческой жизнью. В этом нет никакого антропоморфизма, а лишь подтверждение того неизбежного вывода, к которому мы не можем еще до конца привыкнуть со времен Дарвина. «Да. Конечно! – восклицает автор. – Все мы и на самом деле в каком-то смысле родственники. Все мы пред-

ставители *живого* на планете Земля. Дети одной своей щедрой матери – Природы. И дети, и часть ее. Как же не родственники?»

Ощущение родства с Природой, причастности к ней возникает у человека не сразу. Это плоды длительной душевной работы. Откровенно, без жалости к себе автор делится трудными для него воспоминаниями, как в детстве убил он гадюку, как «предательски забыл» старого друга – чижики. Но дорого нам то, что у подростка все это вызвало острое чувство вины, которое впоследствии переросло в большое, взрослое чувство ответственности за все живое на Земле. И только поняв и глубоко прочувствовав всю меру этой ответственности, автор может сказать: «Создать трудно – разрушить легко. Природа требует к себе уважения точно так же, как человек. И только при непременном этом условии – *уважения* – природа, точно так же как и человек, может раскрыть свои тайны».

Прочитав с увлечением рукопись книги и вдоволь налюбовавшись красочными фотографиями пейзажей, бабочек, жуков и прочей «меньшой братии», захотел я познакомиться с автором, представляя себе седенького старичка в густых морщинках и с бородой, такого лесного тролля. К моему удивлению, автор оказался молодым, стройным человеком с худощавым улыбчивым лицом, излучающим доброжелательность и спокойствие. Однако жизненного опыта Юрию Аракчееву хватило бы на целую компанию его ровесников.

Он успел поработать и грузчиком, и рыбаком, и слесарем, и токарем, потрудился и лаборантом-химиком, и редактором на телевидении. И отовсюду выносил новые жизненные впечатления, ложившиеся на страницы очерков и рассказов, публиковавшихся в газетах и журналах. Его перу принадлежит несколько книг, в том числе сборник повестей и рассказов «Листья» (1974). Юрий Аракчеев – член Союза писателей СССР. Он человек разнообразных интересов: увлекается фотографией, выступает с показом слайдов перед разными аудиториями, много ездит по стране. А любимый транспорт Юрия – велосипед «Прогресс», на котором он объездил Подмоскowie, Украину, Карпаты, Сибирь, Дальний Восток. Пожелаем же Юрию Аракчееву новых дорог, новых удивительных встреч на Дремучей поляне, а нам, читателям, – встреч с маленькими и большими, известными и таинственными, но всегда интересными героями его новых произведений о природе,

Н. Н. Дроздов,

*доцент Московского государственного университета,
член комиссии Международного союза охраны природы и
природных ресурсов*

Открытие

Был вечер, и солнце стояло низко. Оно освещало розовые, слегка полинявшие от дождей стены нашего дома, уютный зеленый дворик и широкую асфальтовую полосу, рассекающую пополам заросли деревьев, кустарников и густой сочной травы с одуванчиками. Я шагнул в траву и наклонился, глядя в видоискатель.

По толстому зеленому стволу полз кто-то большой, красновато-коричневый. Неуклюжий и мощный, он напоминал рыцаря в медных доспехах. Он методично полз вверх, непрерывно шевеля усами, похожими на стальные плети. Со стебля перебрался на пологий бугор листа. Бугор под ним закачался. На краю странное существо остановилось. Далеко внизу во все стороны раскинулись необъятные джунгли, безбрежный зеленый океан. Куда теперь? С минуту рыцарь подумал, оставаясь в неподвижности, лишь усы его шевелились без остановки, вверх, вниз, вправо, влево, наконец лениво разломил свои доспехи на спине, выпростал из-под них тонкие прозрачные крылья и... полетел.

Я передвинул объектив. Полыхнуло желтым. Гигантская солнечная шапка цветка — множество желтых лилий, а на них, небрежно сминая шелковистые нежные лепестки, сосредоточенно копошится лохматый зверь. Шерсть длинная, темно-рыжая с черными полосами, на спине плоские слю-

дьянные крылья, а глаза миндалевидные, блестящие, внимательные. По-хозяйски обхватив тонкими лапками несколько цветков сразу, зверь сует по очереди в каждую лилию короткий черный хобот. Голова и шерсть его перепачканы желтым...

Я принялся исследовать окрестности, чувствуя себя как во сне.

В расплывчатом зеленом мареве по жилке листа шагало, перебирая тонкими ножками, изящное существо, неся на се-

бе просторный, отливающий перламутром балахон крыльев. Оно двигалось медленно, грациозно кланяясь и вертя глазастой головой. Золотые глаза сверкали, посылая во все стороны изумрудно-бронзовые лучи... В багряной чаше цветка суетился кто-то черный, пластмассовый. Кто это? Что он делает? Откуда он здесь? Как великолепно сочетается этот черный, блестящий панцирь с оранжевыми, огненными лепестками! С умопомрачительной высоты плюхнулся сразу на все шесть лап-шасси толстый лайнер, и зеленая, ровная, покрытая густыми короткими волосками, словно ковром, посадочная площадка мягко спружинила под ним. Поворочав в разные стороны головой, "лайнер" вдруг принялся умываться, как кошка, чиститься. Прозрачные крылья засверкали на закатном солнце.

Жук-пожарник в рыцарских доспехах? Шмель в перепачканной цветочной пылью шубе? Златоглазка? Маленький жук? Обыкновенная муха?... Не может быть!

Я вернулся в комнату с ощущением приоткрывшейся тайны.

Нужно было немедленно с кем-то поделиться, и я тотчас пошел звонить из телефона-автомата знакомой девушке Вике. Захлебываясь, я описывал ей яркий, совершенно необычайный удивительный мир, который так счастливо и внезапно открылся мне вот только что.

– Медвежонок? Какой медвежонок? Откуда? – не понимала Вика. – Шмель? В чем перепачкался? Какой рыцарь-жук?

... Златоглазка, похожая на балерину? Кто это – златоглазка?

Хотя я и проговорил с Викой около часа, все же осталось ощущение невысказанности. Придя в коммунальную свою квартиру, позвонил из коридора племяннице. Она училась тогда в пятом классе и начала уже интересоваться биологией, занималась в клубе юных биологов зоопарка.

– Ой ты!... Ой ты!... – горячо, хотя и несколько односложно реагировала она на мой рассказ. А потом трубку у нее взяла мама и сказала, что Лиле нужно делать уроки, а мне, взрослому дяде, стыдно...

Частенько мне снятся цветные сны, и в эту ночь я ожидал сказочных путешествий, но, увы, спал как убитый. Проснувшись чуть свет, немедленно выглянул в окно. Вот невезение! На уютный наш маленький дворик, на газон с одуванчиками и ноготками, на заросли кустарников и деревьев – на весь открытый только вчера зеленый загадочный континент, населенный, оказывается, фантастическими существами, моросил мелкий унылый дождь...

Еще в юности, в школьные годы, я прочитал удивительную книгу. В ней рассказывалось, как мальчик и девочка, Карик и Валя, забрались в лабораторию знакомого профессора и выпили какую-то вкусную розовую жидкость, которая пахла персиками. Потом мальчик и девочка сели на подоконник, болтая ногами, и тут... Все вокруг них начало неудержимо расти, а сами Карик и Валя стали такими маленькими, что запросто уместились на спине стрекозы, которая как раз

опустилась на подоконник. Стрекоза унесла их в дремучие заросли на берегу ручья. И началось путешествие двух человечков в зеленой стране, населенной удивительными "зверями" – муравьями, осами, бабочками, жуками. Книга называлась "Приключения Карика и Вали". Написал ее прекрасный писатель Ян Ларри.

Помню потом свои увлекательные мысленные странствия где-нибудь на лесной поляне. Я лежал на животе прямо в чаще зеленых трав – травинки кололись, муравьи забирались под майку, отчаянно щекотали, кусали, в носу свербило от острого аромата цветов, трав, земли, а пылкое мое воображение следовало за каким-нибудь муравьем по узкой тропке среди толстенных травяных стволов, похожих на тропический бамбук, мимо раскидистых кустов земляники с трехлопастными гигантскими листьями... Над головой висели, источая приторный аромат, кроваво-красные пудовые ягоды.

Я карабкался по толстым изогнутым лианам стеблей, пытаясь добраться до соблазнительных этих плодов, повисал на прохладных розоватых лопастях чашелистиков и наконец погружался в восхитительную, пахучую, нежно-розовую в глубине мякоть ягод, пачкаясь в алом липком соке... Потом, оmyвшись каплей росы, вскакивал на спину жука-жужелицы и, держась за острые края его ребристого, мутно блестящего панциря, мчался по неизвестным дорогам дремучих джунглей быстрее самого быстрого автомобиля... Наконец сходу хватался за какой-нибудь толстый ствол, взбирался неизвестно куда, как Тарзан, пытался поймать за брюшко яркую, пеструю бабочку – жар-птицу... Потом мысленно попадал в полумрак муравейника – этого многоэтажного лабиринта с анфиладами комнат, галереями, залами и погребями. И строгие охранники-муравьи придиричливо ощупывали усиками меня, чужестранца, но почему-то не трогали... Я жил в дебрях какого-нибудь куста или в цветке, как Дюймовочка, летал на спине прирученной стрекозы над бескрайним океаном трав, как Карик и Валя...

Ах, как жаль, что все это только в воображении, как жаль! "Счастливая, невозвратимая пора – детство!" Почему так быстро проходит оно? Почему сами мы так легко и как будто даже охотно расстаемся с ним? Зачем? Разве детская восторженность, внимательность, живость помешали бы нам заниматься "взрослыми" своими делами? Да и что такое в сущности "взрослые" дела? Чем таким особенным отличаются

они от детских? Останься в нас детское воображение, детская чувствительность, детская самоотверженность и чистота, разве мы были бы хуже? Не детской ли восторженностью, внимательностью, умением видеть и удивляться отличались многие величайшие ученые, писатели, художники, путешественники? Они были выше удручающей, однообразной рутины так называемой взрослой жизни – это и помогло им совершать открытия, создавать художественные произведения, отправляться на исследования новых земель. Наша унылая "взрослая" привычка не удивляться ничему, беспрестанное сдерживание эмоций, постная убежденность, что важно лишь то, что полезно (хотя, что на самом деле полезно, мы так в общем-то и не знаем; представления о пользе и вреде того или иного меняются с течением времени полярно), – есть ли это признак истинной мудрости? Стремление к сугубой материальности, беспрестанная оценка всего на свете с точки зрения утилитарной, сиюминутной, сплошь да рядом лишь экономической пользы не привели ли иных из нас к самой, может быть, страшной болезни двадцатого века – вещизму? Вещизму со всеми вытекающими из этого печального явления последствиями: холодностью в отношениях друг с другом, неискренностью, бесчувствием, эгоизмом, забвением той необходимой истины, что люди все-таки братья, что человек часть природы и что обращаться нам друг с другом, да и с природой, необходимо по-человечески...

Была еще одна книга, которая надолго завладела моим

вниманием. Эта книга – "Жизнь насекомых" французского естествоиспытателя Жана-Анри Фабра. Теперь я залпом прочитал ее снова. И снова изумился. Так захватывающе написать о жуках, кузнечиках, бембексах, пчелах, клопах! Ученый не подходил к этим маленьким созданиям с точки зрения утилитарной пользы или вреда, приносимого ими хозяйству. Нет, он уважал прежде всего их самобытность, их право на существование. Внимательный человек, он постарался вникнуть в их образ жизни, ему были глубоко интересны их привычки, характеры... "Бембекс-мухолов", "Аммофила – охотничья собака", "Замечательные хирурги – сфексы", "Филиант – пчелиный волк", "Сколия – подземный охотник" – одни заголовки его рассказов чего стоят! Долгие часы, дни, месяцы проводил Жан-Анри Фабр, наблюдая маленьких своих "соседей". Книга его изобилует такими вот признаниями: "Я весь – зрение, весь – внимание. Ни за что на свете я не уступил бы своего места на том спектакле, который сейчас разыграется". Что же это за спектакль? В том случае, о котором повествуют приведенные строки, – борьба желтокрылого сфекса со сверчком, который должен стать пищей для будущего сфексового потомства... Читаешь – и с вполне понятной растерянностью убеждаешься: все в мире, окружающем нас со всех сторон, находящемся даже под нашими ногами, чрезвычайно серьезно, истинно, захватывающе интересно, а мы так мало, так досадно мало, так позорно мало знаем о нем.

Книгами Фабра зачитывались и зачитываются миллионы людей, они принесли автору мировую славу. И вот что особенно любопытно: почти все наблюдения, давшие материал для написания многотомных "Энтомологических воспоминаний", сельский учитель Жан-Анри Фабр сделал на небольшом пустыре, заросшем сорняками. Площадь этого "исторического" пустыря – меньше гектара. Джунгли на пустыре!

Теперь этот пустырь – место паломничества ученых и туристов со всего света, а сам Жан-Анри Фабр – признанный отец энтомологии, науки о насекомых.

...Став взрослым, я смотрел фильм знаменитого мультипликатора Уолта Диснея "Фантазия". В этом фильме как будто бы не было ничего реального. Чистая фантазия... На сцену собираются оркестранты. Один за другим они входят на помост, рассаживаются, пробуют инструменты. Вот первые осторожные звуки виолончели... Пробный пассаж фортепиано... Тремоло скрипки... Последним входит дирижер. Становится за пульт. Оркестр готов. Тишина. Подняты локти дирижера, застыла дирижерская палочка. Взмах – и полились звуки... Удивительно все же воздействие музыки! Мы привыкли воспринимать мир больше глазами, и – если не считать осмысленную человеческую речь – слышимое дает нам меньше информации, чем видимое. Но вот – музыка... Вечная загадка! Можно даже закрыть глаза. Из пяти чувств для восприятия мира остается только одно. Но сколько переживаний!

В фильме "Фантазия" сделана попытка проиллюстрировать музыку. Вернее, пофантазировать под нее. Взрослые люди, до отказа набившие просмотровый зал, смотрели сказку, цветную фантазию, чудесным образом переносясь в ту самую "счастливую и невозвратимую пору", когда предстоящая жизнь казалась такой волшебной, неисчерпаемо таинственной, прекрасной... Вот танцуют пузатые живые грибы – "Танец маленьких лебедей" Чайковского. Вот невоздержанный ученик Чародея, овладевший азами волшебства, чуть не доводит мир до катастрофы под музыку Дюка. Вот трогательная история летающих лошадей, Светлой и Темной, – Бетховен... Трагический эпизод из прошлого Земли, мрачный катаклизм, в котором гибнут доисторические животные, – Вагнер... И наконец, порхающие под музыку Чайковского в райских зарослях эльфы – тоненькие стройные человечки с крыльями... Музыка не сопровождала изображение, как обычно, наоборот, она рождала его, да и само изображение воспринималось как музыка.

Я долго помнил об этом фильме. То, что создал своими рисунками, подобранными под музыку, Уолт Дисней, – это ведь как бы материализованная мечта. "Счастливая, невозвратимая пора – детство!" Но почему все-таки "невозвратимая"? Вот ведь американский художник на какое-то время вернул нам его! Я помнил, что люди выходили из зала просветленными, взволнованными. Они не забыли о сложностях и трудностях повседневного, реального мира, однако сейчас

глаза их светились детским восторгом. И добротой. Конечно же – добротой! Разве счастливый человек может быть злым? Если тебе хорошо, ведь так хочется поделиться своим счастьем с другими. Разделенная радость – радость вдвойне...

Больше всего я опасался, что увиденное вечером во дворе не повторится. Вдруг это просто фантазия моя разыгралась, а на самом деле и не было ничего? Но дождь лил и лил. С печалью смотрел я на мокрые дворовые "джунгли", где, казалось, кроме мокрой поникшей травы, и нет ничего. Неужели, неужели сказочный мир лишь пригрезился мне?

Весь этот день, пятницу, лил дождь, а я испытывал поистине танталовы муки. Да, вот так и бывает: когда очень ждешь чего-то...

Но терпение и верность мечте вознаграждаются! В субботу с самого утра двор волшебным образом ожил. Засветились фонарики одуванчиков, загудели шмели, вылезли обогреться на солнце мухи... Был выходной день, и я решил отправиться сразу в один из московских парков, Измайловский, на уютную полянку, открытую мною еще весной. Взял фотоаппарат с насадочными кольцами и недоснятой позавчера обратимой пленкой, вскочил в седло верного своего конька-горбунка – дорожного велосипеда "Прогресс", промчался по широким московским улицам, миновал мрачный старинный лес на окраине парка, добрался по тропкам до поляны, которая вся сверкала сейчас от росы, с замиранием сердца настроил фотоаппарат, дрожащими пальцами навин-

тил между объективом и корпусом переходные кольца, чтобы можно было фотографировать с близкого расстояния...

Велосипед остался лежать под кустом, а я, затаивший дыхание путешественник, шагнул в мокрые, сверкающие на солнце зеленые дебри.

...И увидел переплетение гладких светло-зеленых стволов, удлинённых тропических листьев, увешанных десятками голубоватых алмазов. То тут, то там ослепительно вспыхивали радуги. В беспорядочном хаосе желтым уютным островком светилась глянцевитая чашечка лютика. Миниатюрная глазастая мошка соблазнилась уютом, села на лепесток, но, обмочив в кристальной воде свои мохнатые лапки, тотчас взлетела... Каждая капля действительно отражала весь мир, но больше всего она отражала солнце и небо. Особенно живописными были те, которые лежали в углублениях листьев, — тяжелые, льдисто-объемные, невиданно крупные драгоценности, круглящиеся в зеленоватой оправе.

Полянку можно было пересечь за несколько секунд – всего шагов пятьдесят в поперечнике, но, погрузившись в ее дебри, я ощутил себя в настоящих таинственных, полных кипучей, неведомой жизни, бескрайних джунглях.

Вот белые цветы-звездочки, ставшие необычайно большими. Черные и ярко-красные тычинки и пестики купаются в выпуклой капле, переполнившей декоративную белую, словно фарфоровую, тарелку, составленную из перистых лепестков. Капля не выливается... Может быть, из таких тарелок пьют воду гномы? Что это за цветы? Неужели обыкновенная звездчатка, почти незаметная обычно в траве?

Огромные лиловые с красноватыми живыми прожилка-

ми на бархате волшебные репродукторы – цветы луговой герани. Может быть, мы просто не слышим звуков, которые они издают? Может быть, если получше прислушаться, можно что-то таинственное услышать? Наверняка! И до чего же красив этот ярко-фиолетовый цвет!

Настоящее чудо – грустно повисший на тонком мохнатом, красиво изогнутом стебле бутон! Из-под красных чашелистиков осторожно выглядывают нежно-розовые, целомудренно свернутые лепестки. "Пачка" балерины, выросшая в этом волшебном царстве? Светильник, зажигающий свой розовый фонарь по ночам? Неужели, неужели это привычное, знакомое всем растение со странноватым названием "гравилат"?

У меня была всего одна обратимая пленка. Она кончилась очень быстро.

А потом я отдал ее знакомому лаборанту: проявлять цветные обратимые пленки самостоятельно я научился гораздо позднее.

– Приезжай послезавтра, – сказал лаборант.

Что получилось? Получилось ли вообще что-нибудь? Вдруг мои фантазии будут развеяны и беспристрастный объектив запечатлел то, что совсем неудивительно, каждодневно, а все, что я навоображал себе, так и останется нереальным?

– Ну как, Эрик? – спросил я по телефону через день.

– Приезжай. Все в порядке, – сказал он.

– Что там? Получилось что-нибудь? – не удержавшись, спросил я.

– Не знаю, некогда было посмотреть, – спокойно ответил Эрик. – Кажется, цветы какие-то.

Еду, еду, волнуюсь. «Цветы какие-то». И только?..

Наконец Эрик протягивает мне маленький бумажный сверток, в котором лежит первая заветная пленка. Волновался ли я так в тот давний, увы, очень давний день, когда впервые в жизни получил записку от девочки из соседней школы? Сердце колотилось...

Едва выйдя на улицу, тут же, на ярком июльском солнце, осторожно разворачиваю папиросную бумагу, в которую пленка аккуратно завернута. Смотрю... Сначала идет ряд темных коричневых прямоугольников – трудно что-либо различить. Недодержка. Догадываюсь: это шмель. Он не получился, увы. Вечер, мало света... Неужели?.. Есть! О, все в порядке! В переплетении росистых травинок – глянцевиная, ослепительно желтая чашечка лютика с каплями на лепестках, травинки словно усеяны голубоватыми шариками. Все так и было! И герань получилась, и печально повисший бутон гравилата, и соцветие раковой шейки с пчелой и маленькими жуками. И даже бабочка-голубянка, которую я щелкнул наскоро, боясь пропустить счастливый миг...

В тот вечер мир Карика и Вали впервые распахнулся передо мной на комнатной стене.

Первые снимки были не слишком качественные, но я по-

нял: все мои фантазии – правда.

Лето я провел в постоянных волнениях. Странствия в дворовых джунглях на корточках и ползком, вызывающие нездоровый интерес соседей. Новые и новые путешествия в дебри поляны Измайловского парка. Незабываемая погоня за бабочкой-голубянской, которая кокетливо улетала всякий раз, как только я к ней на достаточное расстояние приближался. Неожиданный подарок – павлиний глаз, залетевший во двор и спокойно позировавший мне на репейнике. Первые выезды дальше, на станцию Черная, под Москвой, и даже на озеро Селигер...

Голова кружилась от распахнувшихся горизонтов. Джунгли были яркие, многоцветны, разнообразны, густо населены, пленки катастрофически не хватало, не хватало рамок для слайдов, а главное – времени.

Отборы лучших дублей и просмотры занимали ту часть суток, которая оставалась от ползания на четвереньках в траве, короткого сна и нескольких неизбежных часов работы (работал я тогда выездным фотографом – фотографировал на черно-белую пленку детей в детских садах). Из друзей больше всех доставалось, конечно, Вике. Почти все наши и так не очень-то частые встречи проходили следующим образом. После поспешных приветствий я быстро вешал на стенку экран (сделал его самостоятельно из льняного полотна и с помощью соседского пылесоса покрыл бариевой смесью, окрасив заодно и все ножки мебели в комнате пло-

хо смываемыми белыми крапинками). Затем сдвигал в сторону стол, громоздил на него табуретку, шесть томов Малой советской энциклопедии и диапроектор «Свет». Выключал люстру, торшер и демонстрировал последние диапозитивы. Если мне казалось, что Вика, глядя на экран, выражает слишком мало эмоций, я не на шутку сердился и обвинял ее в равнодушии и слепоте.

Впрочем, Вике диапозитивы как будто нравились, а особенно те, которые напоминали ей знакомых людей. Так у нас постепенно создавалась галерея портретов: жук Сева, кузнецик Семен Петрович, бабочка Елизавета Степановна, гусеница София Лорен, златоглазка Уланова...

Я окончательно понял, что в моей жизни произошло нечто весьма «историческое». Мир изменился. Он стал ярким, огромным, интересным и светлым. Вернулась, пусть отчасти, но вернулась, вернулась «счастливая, невозвратимая пора».

Разве я мог раньше предполагать, что, не выезжая ни в какие далекие страны, а просто выйдя во двор или в парк, можно совершить путешествие? И какое! Несмотря на «Приключения Карика и Вали» и на «Фантазию», мне раньше все-таки не приходило в голову, что отцветший одуванчик, обыкновенная «фукалка», может быть похож на серебряный шар, на остров южного моря, поросший белыми пальмами, на сказочную сцену, где выступают балерины, – зависит от того, как смотреть. Ну а мог ли я знать, что яички клопа на коре березы – блестящие капельки янтаря? Конечно же, от меня было скрыто, что жук-жужелица выкован из стали, а доспехи жука-пожарника – из меди. Теперь это все для меня не секрет. Как и то, например, что гусеница бабочки ольховой стрельчатки в зрелом возрасте носит страусовые перья, а гусеница стрельчатки кленовой – это просто-напросто ползающий лисий воротник. Меня уже ни капельки не удивляет, что голова стрекозы – это голова космонавта в шлеме с антеннами, спинка клопа-солдатики – индейская ритуальная маска, а спинка наземника тощего – африканская. Само собой, что паутина после дождя – кружево, отделанное алмазами, а сухая паутина, пронизанная солнечными лучами, – радужное, сказочное сияние.

Но это бы ладно. Наблюдая всех их с близкого расстояния, я обнаружил странную вещь: поведение этих ползающих, бегающих, прыгающих и летающих созданий иногда удивительным образом напоминает то, что я вижу в гораздо более крупном масштабе. Заметив это, я стал думать, что мир мелких существ каким-то подозрительным образом связан с миром крупных. И принялся читать книги о насекомых. Что же вы думаете? Мои подозрения усилились. Аналогий – тьма. В конце концов я иногда стал даже путаться, с каким миром имею дело в данный момент – маленьким или большим. Но однажды вычитал где-то известное изречение Анаксагора: «Все – во всем». И понял, что в моих наблюде-

ниях нет в сущности ничего удивительного.

Вычитал я и еще одно мудрое изречение, которое запало мне в душу: «Какую бы форму жизни мы ни изучали – от вируса до Мамонтова дерева, мы изучаем самих себя».

Муравейник на ярком весеннем солнце

Прошло первое лето путешествий. Наступила осень, потом зима. Ранней весной я поселился в деревне Подушкино под Москвой. Было начало апреля, моросил дождь, везде еще лежал снег. Никаких насекомых не было, я ходил по туманному лесу, размышляя о том, как будут выглядеть эти места летом, где поднимется густая трава, расцветут цветы, какие диковинные существа поселятся в здешних джунглях...

В тихой и мрачноватой комнате избы царило спокойствие и тишина. Вечером, когда я меланхолически пил чай, с неприязнью наблюдая за парой пыльных, неряшливых мух, разбуженных теплом печки, под потолком слышалось громкое, отчаянное жужжание. Поначалу я не понял, что происходит, и, лишь встав на стул, разглядел в темном уголке паутину, запутавшуюся, отчаянно жужжащую муху и рядом с ней маленького паука. Паук тотчас заметил меня и оторвался было от мухи, но, поняв, что настроен я по отношению к нему не враждебно, вернулся к своей бедной жертве и продолжал пеленать ее, осторожно обходя пару незапеленатых лап и мощно буравящее воздух крыло. Я стоял и смотрел внимательно.

Он был раза в два меньше мухи, но работу свою знал

прекрасно, делал ее быстро и с удивительной сметкой, хотя огромная муха дергалась с такой силой, что все под его ногами ходуном ходило. Натолкнувшись с одной стороны на сильное сопротивление лап, он обошел жертву с другой стороны, без лишней спешки, без суеты, а устав, отправился на минутку отдохнуть поближе к щели, где было спокойнее. Мне так понравилось наблюдать за толковой его работой – словно бы расторопный маленький мужичок запрягал огромного брыкающегося вола, – что я взял фонарь. Вздвигнув от света фонаря, паук продолжал свою работу, и мне кажется, ему даже сподручней было теперь, при свете.

Если хотите, смейтесь, но, вернувшись к столу, я уже не чувствовал себя в комнате таким одиноким. Когда на другой вечер я сам поймал муху и посадил в паутину, а потом наблюдал, паук уже не боялся меня. Может быть, он меня узнавал?

В солнечные апрельские дни над проталинами запорхали бабочки, вскоре из теплой земли дружно полезла трава, расцвели первые цветы. В избу приехали дачники, а мне на лето удалось снять маленький сарайчик, который стоял прямо в лесу, на краю оврага. Овраг порос высокими корабельными соснами и черемухой, на дне его тихо струилась маленькая речка Саминка. Начались странствия в подушкинских джунглях.

Хоть я и запомнил своего черного подушкинского соседа-паука, но теперь, когда вокруг летало и ползало столь-

ко созданий, а маленькие паучки встречались лишь изредка, глаза у меня разбежались. Кого фотографировать, за кем охотиться в первую очередь?

И я решил – за муравьями.

Еще в детстве я увлекался книжками о них. Не могло не увлечь удивительное устройство муравьиной «цивилизации», многоэтажная конструкция муравейника, этого гигантского муравьиного небоскреба, населенного тысячами смысленных тружеников. А образ их жизни? Войны, походы, организованность и спаянность многотысячной семьи... А как они пасут тлей, разводят грибы, запасают впрок сладкий

нектар, ткут, достают из-под земли воду, погоду чувствуют? Поразительно!

В книге французского ученого Реми Шовена я прочитал об удивительном факте муравьиной жизни, вряд ли знакомом многим. Оказывается, этим организованным труженикам присущ порок, который хотя и не красит их, однако же вызывает еще более пристальный, не лишенный практических, поучительных целей интерес. Я уже говорил, что в этом мире тьма аналогий, вот и еще одно подтверждение. Муравьям, этим маленьким шестиногим созданиям, присуще нечто так напоминающее одно из распространенных явлений, увы, не изжитых еще современной человеческой цивилизацией...

Встречается в травяных джунглях некое миниатюрное, симпатичное на вид создание – жучок ломехуза. На конце брюшка этого маленького жучка – две изогнутые в разные стороны косицы, напоминающие ворсистые усики. Увидев такого жучка, муравей тотчас устремляется к нему и принимается щекотать брюшко ломехузы своими усами. В благодарность за эту ласку на косицах появляется капля секрета, выделенного специальной железой ломехузы. Этого-то и ждал рыжий труженик. Он мгновенно слизывает капельку и, выражаясь на современном жаргоне, «балдеет». Только что это был трудяга – рабочий или суровый воин, но вот его уже не узнать. Он шатается, теряет ориентацию в пространстве, ищет укромный уголок, где бы можно было отлежаться, но

часто так и не успевает его найти... А в очередь к жучку уже становятся другие,,. И вот ведь что больше всего поразительно: потеря муравьиного облика ничему не учит обалдевшее шестиногое. Едва опомнившись, муравей вновь бежит к ломехузе...

Кончается все это весьма печально. Муравьи перестают выполнять свои общественные функции в муравейнике, перестают даже есть, и если несколько жучков ломехуз попало в муравейник, то этот огромный многоэтажный «мегаполис» обречен на вымирание. Рыжие сластолюбцы опускаются до того, что ко всему прочему подкармливают совратителей-жучков своими собственными детьми, то есть куколками – «муравьиными яйцами».,.

Ну не поразительно ли?

Вы думаете, ломехуза – единственная угроза муравьиному благосостоянию и нравственности? Нет! Маленькая горбатка (типа нашей цикадки, прыгающей в траве) тоже выделяет ароматный и сладкий секрет, который неудержимо влечет муравьев из рода соленопсис. Пока заинтересованные гурманы наслаждаются вкусом и ароматом микроскопической капельки, появившейся на коннике ее брюшка, горбатка аккуратно кладет по крошечному яичку точно на сочленение между головой и грудью муравья. Вскоре из яичка вылупляется личинка горбатки – нимфа. Она быстро проникает в голову несчастного шестиногого и питается его мозгом. Голова еще живого, но уже неподвижного му-

равья печально свисает вниз... Когда все содержимое головы будет съедено, нимфа, уже достаточно выросшая, перегрызает шею, и голова падает. Она становится капсулой, то есть своеобразным «домиком», в котором нимфа заканчивает свое развитие и становится взрослой горбаткой, способной откладывать новые крошечные яички...

Итак, еще зимой я мечтал, как буду воочию познавать тайны многообразной муравьиной жизни, фотографировать сценки, портреты. Я помнил выражение из одной журнальной статьи: «Природа сделала четыре серьезные попытки создать большие организованные сообщества: пчелы, муравьи, термиты, люди». Не правда ли, есть над чем поразмыслить?!

И вот наконец Подушкино, май, муравейник на ярком весеннем солнце. Я стою, как Гулливер, глядя сверху на живой, копошащийся многотысячный город...

Строительство было в самом разгаре. Даже на расстоянии слышался напряженный, не прекращающийся ни на минуту шорох работы. Работы трудной, сложной, ответственной. Обычно тот конус, который мы видим, – это половина всего муравейника, небоскреб в несколько десятков этажей, остальная, столь же многоэтажная часть скрыта в земле. И сейчас, весной, небоскреб расширялся, надстраивались новые этажи, прокладывались новые подземные галереи. С разных сторон сотни жителей подтаскивали к общей куче строительные материалы – сосновые прошлогодние иглы, сухие веточки, листики, былинки. Несколько шестиногих собра-

тьев тащили вверх по довольно крутому склону желтую толстую, блестящую на солнце личинку – стройка стройкой, но нельзя забывать и о хлебе насущном...

Муравейник располагался на склоне овражка, у подножия довольно толстой березы. Здесь образовалась естественная пологая площадка, ограниченная с одной стороны стволом и еще кустиками бересклета, открытая только с южной, солнечной стороны. Удобнейшее место, если, правда, не считать того, что буквально в двух шагах утоптанная людьми тропинка. Минутная прихоть озорника с палкой – и великолепное сооружение ужасным образом пострадает...

Тем не менее работа кипела. Интересно было наблюдать и за теми строителями, которые на миг показывались из отверстий в земле у подножия кучи. Они держали в челюстях маленькие земляные комочки, выбрасывали их и вновь скрывались в отверстиях. Это были подземные строители, землекопы, они строили нижние галереи и выносили грунт, слепленный при помощи слюны в комочки-песчинки. Этих комочков накопилось уже очень много, они образовали на склоне целую осыпь, и именно по этой осыпи, постоянно срываясь и падая, скатываясь на исходные позиции, тащилась сейчас группа с личинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.